

DOI 10.31483/r-154152

Яковенко Елена Владимировна

**БЕЗДОКУМЕНТАРНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ
И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И МЕСТО
В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Аннотация: исследование посвящено комплексному теоретическому анализу соотношения двух смежных объектов гражданских прав – бездокументарных ценных бумаг (ст. 149 ГК РФ) и цифровых финансовых активов (Федеральный закон №259-ФЗ). В работе рассматриваются вопросы доктринальных подходов к пониманию правовой природы данных объектов, сложившихся в постсоветской цивилистике и в современной науке (в том числе М.М. Азарков, В.А. Белов, Е.А. Суханов, Д.В. Мурзин и др.). Автором анализируются теоретические проблемы отнесения указанных объектов к категории «вещей» или «иного имущества» в системе объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Особое внимание уделяется выявлению существенных признаков (учетный характер, публичная достоверность, транзитивность, стандартизация), которые сближают данные объекты с овеществленными и позволяют обосновать их квалификацию в качестве самостоятельных объектов гражданских прав особого рода, занимающих промежуточное положение между вещами и имущественными правами. В заключении формулируются выводы о необходимости дальнейшей дифференциации правового регулирования и совершенствования понятийного аппарата гражданского законодательства применительно к цифровым активам.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, цифровые финансовые активы, объекты гражданских прав, цифровые права, гражданское право, токен.

Abstract: the study is devoted to a comprehensive theoretical analysis of the relationship between two related objects of civil rights – undocumented securities (Article 149 of the Civil Code of the Russian Federation) and digital financial assets (Federal Law No. 259-FZ). The paper examines the doctrinal approaches to understanding the

legal nature of these objects that have developed in post-Soviet civil law and in modern science (including M.M. Agarkov, V.A. Belov, E.A. Sukhanov, D.V. Murzin, and others). The author analyses the theoretical problems of classifying these objects as “things” or “other property” in the system of objects of civil rights (art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation). Special attention is paid to identifying essential features (accounting character, public authenticity, transitivity, standardization) that bring these objects closer to the materialized ones and make it possible to justify their qualification as independent objects of civil rights of a special kind, occupying an intermediate position between things and property rights. In conclusion, conclusions are drawn about the need for further differentiation of legal regulation and improvement of the conceptual framework of civil legislation in relation to digital assets.

Keywords: *undocumented securities, digital financial assets, objects of civil rights, digital rights, civil law, token.*

Введение.

Цифровая трансформация имущественного оборота поставила перед наукой гражданского права ряд фундаментальных вопросов, требующих доктринального осмысления. Центральное место среди них занимает проблема квалификации новых цифровых объектов и определения их соотношения с традиционными институтами гражданского права. Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) легализовало категорию цифровых финансовых активов, однако не только не сняло, но и существенно обострило дискуссию о том, являются ли ЦФА новой разновидностью бездокументарных ценных бумаг либо представляют собой самостоятельный объект гражданского оборота.

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической незавершенностью спора о правовой природе указанных объектов. Отсутствие ясного понимания сущностных характеристик бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов, критериев их разграничения препятствует формированию

системного законодательного регулирования и единообразной правоприменительной практики. Цель настоящего исследования заключается в выявлении существенных характеристик названных объектов, определении критериев их разграничения и обосновании их места в системе объектов гражданских прав, закрепленной ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

1. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг: эволюция доктринальных подходов.

Дискуссия о правовой природе бездокументарных ценных бумаг имеет длительную историю, корни которой восходят к классической немецкой доктрине ценных бумаг конца XIX века. Традиционная (документарная) концепция исходила из неразрывной связи права и бумаги как материального носителя. Как отмечал М.М. Агарков, ценная бумага есть документ, предъявление которого необходимо для осуществления выраженного в нем права [2, с. 45]. В.А. Белов, развивая данную традицию, подчеркивал, что «под ценными бумагами как объектами гражданских правоотношений можно понимать только документы, но не воплощённые в них субъективные гражданские права» [3, с. 12].

Развитие фондового рынка и дематериализация активов потребовали пересмотра данного подхода. Изменения, внесенные в Гражданский кодекс РФ в 2013–2014 годы, внесли существенные коррективы в понимание ценных бумаг. Как отмечает Г.Н. Шевченко, законодатель отказался от единой дефиниции ценных бумаг, закрепив в п. 1 ст. 142 ГК РФ два различных определения: документарные ценные бумаги как документы и бездокументарные ценные бумаги как обязательственные и иные права, закрепленные в решении о выпуске или ином акте эмитента [19, с. 74].

В науке гражданского права сформировалось несколько основных подходов к пониманию правовой природы бездокументарных ценных бумаг. Представители консервативного направления (например, Е.А. Суханов) рассматривают бездокументарные ценные бумаги не как ценные бумаги в собственном смысле слова, а лишь как способ фиксации имущественных прав, к которым могут применяться лишь некоторые правила о ценных бумагах. С данной точки зрения, они

не могут признаваться вещами в российском гражданском праве [15, с. 15]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Бутенко, полагающий, что «считать бездокументарные ценные бумаги объектом вещных прав – значит подменять юридическое понятие экономическим» [4, с. 8].

Противоположная точка зрения (концепция «бестелесных вещей») представлена в работах Д.В. Мурзина и его последователей. Сторонники данного подхода предлагают определять ценные бумаги как «вещи, лишённые материального субстрата», абстрагируясь от бумаги как материального носителя и отводя ей лишь функциональное, но не сущностное значение [11, с. 67].

Компромиссная позиция, реализованная в действующем ГК РФ, базируется на использовании юридической фикции: бездокументарные ценные бумаги – это не ценные бумаги в собственном смысле, а особая фиксация прав, к которой применяются правила о ценных бумагах.

Е.Н. Абрамова справедливо обращает внимание на сохраняющуюся коллизию между ст. 128 ГК РФ (относящей ценные бумаги к вещам) и ст. 142 ГК РФ (определяющей документарные ценные бумаги как документы), поскольку документ – это не вещь, а носитель информации [1, с. 48]. Данное противоречие создаёт концептуальные трудности при определении места бездокументарных бумаг в системе объектов гражданских прав. Современные исследователи, в частности Т.В. Мельникова, Ю.Ц. Машарова и Ю.В. Шаляева, отмечают, что дискуссия о правовой природе бездокументарных ценных бумаг не теряет своей актуальности, поскольку законодательное решение вопроса не устранило доктринальных противоречий, а лишь придало им новое измерение в контексте цифровизации гражданского оборота [10, с. 21].

2. Цифровые финансовые активы как новый объект гражданского оборота.

Появление в российском правовом поле категории «цифровые финансовые активы» стало результатом законодательного компромисса между необходимостью легализации цифрового оборота и стремлением сохранить традиционные цивилистические конструкции. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные

требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА, в порядке, установленном федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Л.Г. Ефимова в своем исследовании подробно анализирует высказанные в доктрине точки зрения на правовую природу ЦФА. Особого внимания заслуживает дискуссия о том, можно ли рассматривать ЦФА в качестве самостоятельного объекта гражданского права или они представляют собой лишь «оцифрованные» ценные бумаги – объект, давно известный гражданскому праву [9, с. 17]. Профессор Ефимова Л.Г., в частности, аргументированно доказывает, что токенизация «прав из бумаги» существенно изменила их правовой режим, что дает основание для вывода о самостоятельности ЦФА как объекта гражданского права [8, с. 28].

Иной подход демонстрирует Е.А. Суханов, который скептически оценивает категорию «цифрового имущества», полагая, что введение новых понятий не всегда оправдано с позиции догмы гражданского права и зачастую порождает неоправданное дублирование уже существующих конструкций [14, с. 52]. По его мнению, цифровые финансовые активы и иные цифровые объекты не являются новым видом имущества, а представляют собой лишь технический способ фиксации (токенизации) традиционных имущественных прав – обязательственных, корпоративных или иных, давно известных гражданскому праву. Е.А. Суханов подчеркивает, что в континентально-европейском праве исторически сложились четыре базовых правовых режима (вещный, обязательственный, корпоративный и интеллектуальный), и цифровые объекты должны вписываться в эту систему, а не создавать новую. Так, в частности, криптовалюту предлагается квалифицировать не как деньги (вещи), а как способ безналичных расчетов, порождающий натуральные обязательства [15].

А.В. Тумаков, анализируя особенности вовлечения цифровых финансовых активов в гражданский оборот, обращает внимание на то, что виртуальное пространство выступает лишь средством закрепления традиционных объектов. Названный автор выделяет главный признак оборотоспособности ЦФА – их учет в специальной информационной системе. По мнению А.В. Тумакова, оборот ЦФА формализован в электронно-цифровой форме, а сами объекты цифрового оборота создаются, отчуждаются и прекращаются в информационной системе, что существенно отличает их от традиционных объектов [12, с. 10].

Следует обратить внимание и на определенные терминологические проблемы самого Закона о ЦФА. Так, Т.В. Дерюгина указывает на то, что в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА содержится упоминание об «обязанности узла информационной системы обеспечить соответствие порядка выпуска цифровой валюты». С цивилистической точки зрения узел – это объект, тогда как обязанности являются прерогативой субъекта [13, с. 9]. Данный пример наглядно демонстрирует недостаточную проработанность понятийного аппарата цифрового законодательства и его рассогласованность с базовыми положениями ГК РФ.

3. Сравнительно-правовой анализ правовых режимов бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов.

Сопоставление правовых режимов бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия исследуемых объектов.

К общим характеристикам следует отнести: 1) бездокументарную (бестелесную) форму существования; 2) фиксацию прав в специальной учетной системе (реестр владельцев ценных бумаг либо информационная система оператора ЦФА); 3) наличие управомоченного лица – владельца записи по счету; 4) возможность перехода прав путем совершения записей по счетам.

Однако различия между рассматриваемыми объектами представляются более существенными.

Во-первых, различается правовая основа возникновения. Бездокументарные ценные бумаги возникают на основании решения о выпуске, принимаемого

эмитентом, и их выпуск подлежит государственной регистрации (для эмиссионных ценных бумаг). ЦФА также выпускаются на основании решения о выпуске, однако функционируют они в рамках правил информационной системы, устанавливаемых ее оператором, при этом государственная регистрация выпуска ЦФА не требуется – осуществляется лишь включение оператора в реестр Банка России.

Во-вторых, различаются субъекты, обеспечивающие учет прав. Для бездокументарных бумаг это регистраторы и депозитарии – профессиональные участники рынка ценных бумаг, деятельность которых подвергнута жесткому публично-правовому регулированию. Для ЦФА – операторы информационных систем, которые также включаются в реестр Банка России, однако по своему правовому статусу не являются профессиональными участниками рынка ценных бумаг в классическом понимании.

В-третьих, принципиально различается природа удостоверяемых прав. Как отмечает О.М. Шевченко, акции могут выпускаться только в бездокументарной форме и удостоверяют комплекс корпоративных и обязательственных прав, предоставляя их владельцу статус участника корпорации. ЦФА же могут удостоверить лишь ограниченный перечень прав, предусмотренный Законом о ЦФА, и не предоставляют их владельцу статуса участника корпорации (за исключением специально оговоренного случая удостоверения прав участия в капитале непубличного акционерного общества) [14, с. 77].

Представляется обоснованной позиция А.В. Тумакова, согласно которой ЦФА представляют собой объекты, формирующие новый кластер цифрового оборота. Несмотря на внешнее сходство с бездокументарными ценными бумагами, они обладают спецификой, требующей самостоятельного правового регулирования [15, с. 120].

Таким образом, результаты сравнительного анализа бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов как объектов гражданского оборота можно свести к следующему (таблица 1).

Критерии соотношения бездокументарных ценных бумаг
и цифровых финансовых активов

<i>№</i>	<i>Критерий соотношения</i>	<i>Бездокументарные ценные бумаги</i>	<i>Цифровые финансовые активы</i>
1	<i>Правовая основа возникновения</i>	Решение о выпуске эмитента; государственная регистрация выпуска (для эмиссионных бумаг)	Решение о выпуске; правила информационной системы оператора; государственная регистрация выпуска не требуется
2	<i>Субъекты учета прав</i>	Регистраторы, депозитарии (профессиональные участники РЦБ с лицензиями)	Операторы информационных систем (включены в реестр Банка России, но не являются профучастниками РЦБ)
3	<i>Природа удостоверяемых прав</i>	Комплекс корпоративных и обязательственных прав; владелец – участник корпорации	Ограниченный перечень прав (денежные требования, права по бумагам, права участия в капитале непубличного АО – спец. случай); статус участника корпорации по общему правилу не возникает
4	<i>Техническая инфраструктура</i>	Централизованные учетные системы (реестры, счета депо) с едиными правилами и стандартами Банка России	Децентрализованные или распределенные информационные системы; правила устанавливаются оператором (вариативность режимов)
5	<i>Способ фиксации перехода прав</i>	Приходно-расходные записи по счетам на основании распоряжений (поручений)	Транзакции в распределенном реестре или иной информационной системе; момент перехода прав может определяться правилами системы
6	<i>Степень публично-правового регулирования</i>	Высокая (лицензирование, нормативы, отчетность, надзор Банка России)	Умеренная (включение в реестр операторов, но менее детализированное регулирование деятельности)
7	<i>Защита прав добросовестного приобретателя</i>	Ст. 149.5 ГК РФ, развитая судебная практика (возможность виндикации)	Прямое регулирование отсутствует; возможна субсидиарная аналогия закона, но с учетом технических особенностей

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы, при всей их внешней схожести, представляют собой самостоятельные объекты гражданских прав с

существенно различающимися правовыми режимами. Отождествление цифровых финансовых активов с «электронной формой» бездокументарных ценных бумаг представляется методологически неверным и может привести к ошибкам в правоприменении. Выявленные критерии могут служить основой для дальнейшей дифференциации правового регулирования указанных объектов.

4. Проблема квалификации бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов применительно к системе объектов гражданских прав.

Ключевой теоретической проблемой остается вопрос о месте бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов в системе объектов, установленной ст. 128 ГК РФ. Традиционное деление объектов на вещи, иное имущество, работы и услуги, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага с трудом вмещает новые цифровые феномены.

Очевидно, что если документарные ценные бумаги *de jure* признаются вещами, то бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы материального выражения не имеют, что исключает их прямое отнесение к категории вещей. В то же время их нельзя безоговорочно отнести и к категории «иного имущества», поскольку они обладают рядом признаков оборотоспособности, традиционно связываемых именно с вещно-правовым режимом.

Выделяют следующие признаки, сближающие бездокументарные объекты с вещами и позволяющие ставить вопрос об их особой правовой квалификации.

1. Учетный характер фиксации прав. А.В. Тумаков отмечает, что главный признак оборотоспособности ЦФА – их учет в специальной информационной системе [17, с. 10]. Аналогичный механизм действует и в отношении бездокументарных ценных бумаг, фиксируемых в реестре владельцев или на специальном счете. Запись на лицевом счете легитимирует управомоченное лицо, выполняя функцию, аналогичную той, которую в отношении движимых вещей выполняет владение.

2. Оборотоспособность самой записи. Участники оборота, приобретая или отчуждая бездокументарные бумаги либо ЦФА, воспринимают их не столько как права требования к конкретному обязанному лицу (хотя юридически это именно

права), сколько как некую «имущественную массу», представленную записями по счетам. Объектом сделок выступает запись по счету подобно вещи, а не абстрактное право требования.

3. Публичная достоверность учетных данных. Т.В. Дерюгина обосновывает тезис о том, что применительно к цифровым активам формируется новое право – право обладания цифровым объектом, которое характеризуется доверием к данным учетной системы [7, с. 9]. Добросовестный приобретатель, полагающийся на данные реестра или информационной системы, подлежит защите по правилам, аналогичным защите владельца вещи.

4. Транзитивность оборота. Бездокументарные объекты могут быть предметом многократных сделок без изменения их существа, что сближает их с вещами и отличает, например, от уступки права требования (цессии), которая в классическом понимании является сделкой, требующей индивидуального согласования условий. С.Н. Орлов в своем исследовании отмечает, что современные цифровые финансовые инструменты демонстрируют свойства, характерные для объектов, обращающихся на организованных рынках: стандартизацию, взаимозаменяемость, ликвидность [13, с. 183].

5. Стандартизация выпусков. Бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы выпускаются не единично, а массово, стандартизированными выпусками, что позволяет им обращаться на вторичном рынке подобно товарам. И.П. Усманов верно подмечает, что бездокументарная ценная бумага является фикцией лишь отчасти, поскольку за ней стоит реальная экономическая ценность, а сама запись в реестре приобретает свойства, аналогичные свойствам вещи в обороте [18, с. 69].

Указанные признаки позволяют сделать вывод о том, что бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы занимают в системе объектов гражданских прав особое, промежуточное положение. Их нельзя безоговорочно относить ни к вещам (ввиду отсутствия материального субстрата), ни к «иному имуществу» (поскольку их оборотоспособность существенно отличается от

оборотоспособности классических имущественных прав, уступаемых в порядке цессии).

Наиболее взвешенной представляется позиция, согласно которой данные объекты следует рассматривать как самостоятельные объекты гражданских прав особого рода. Еще Н.О. Нерсесов в конце XIX века писал, что бумага «имеет не реальную ценность в самой себе, наподобие всякой другой телесной вещи, а является носителем ценности» [12, с. 156]. Данное наблюдение, сделанное в отношении документарных бумаг, сегодня как нельзя лучше подходит для описания современных цифровых активов.

Т.В. Дерюгина обосновывает появление нового права – права обладания цифровым объектом, которое характеризуется усеченным правом владения (без элемента фактического обладания), правами пользования и распоряжения, при этом объектом такого права могут выступать только нематериальные объекты [7, с. 10]. Развивая данную концепцию, можно заключить, что бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы образуют особую группу объектов, правовой режим которых конструируется по модели, сочетающей элементы вещного и обязательственного права.

А.В. Габов в своих исследованиях подчеркивает, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути признания за бездокументарными объектами самостоятельного места в системе объектов гражданских прав, с разработкой специальных правил оборота, учитывающих их смешанную природу [5, с. 345]. Представляется, что данный подход является наиболее перспективным, поскольку он позволяет, с одной стороны, сохранить стройность классической системы объектов гражданских прав, а с другой – адекватно отразить специфику новых цифровых феноменов, не подгоняя их искусственно под устаревшие категории.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Бездокументарные ценные бумаги и цифровые финансовые активы, при всей их внешней схожести, представляют собой самостоятельные объекты гражданских прав. Они обладают общими чертами (бездокументарная форма, учетный характер фиксации прав), однако между ними существуют и существенные различия – в природе удостоверяемых прав, в субъектном составе лиц, обеспечивающих учет, в технической инфраструктуре оборота. Отождествление цифровых финансовых активов с «электронной формой» бездокументарных ценных бумаг представляется неверным.

Теоретический спор о правовой природе бездокументарных объектов не может считаться окончательно разрешенным. Квалификация данных объектов исключительно как имущественных прав не учитывает ряд существенных признаков их оборотоспособности: учетный характер фиксации прав, оборотоспособность самой записи по счету, публичную достоверность учетных данных, транзитивность и стандартизацию оборота. Указанные признаки сближают бездокументарные объекты с вещами и предполагают возможность распространения на них вещно-правовых режимов.

Наиболее соответствующей современному состоянию оборота представляется квалификация бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов как самостоятельных объектов гражданских прав особого рода, занимающих промежуточное положение между вещами и имущественными правами. Такой подход позволяет применять к данным объектам вещно-правовые способы защиты в части, соответствующей их природе, сохраняя при этом обязательно-правовую основу удостоверяемых ими прав.

Коллизия между нормами ГК РФ о ценных бумагах и специальным законодательством о цифровых финансовых активах требует разрешения на уровне системного толкования и последующего совершенствования законодательства. Представляется необходимой доктринальная разработка категории «цифровое имущество» как особого вида объектов гражданских прав, что позволит сформировать непротиворечивую систему норм, учитывающую как традиции отечественной цивилистики, так и потребности цифровой экономики.

Список литературы

1. Абрамова Е.Н. Ценные бумаги в системе объектов гражданских прав / Е.Н. Абрамова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3. – С. 45–53.
2. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах / М.М. Агарков. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. – 165 с.
3. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги / В.А. Белов. – М.: Статут, 2003. – 106 с.
4. Бутенко А.А. Бездокументарные ценные бумаги как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Бутенко. – Волгоград, 2000. – 24 с.
EDN SHIKIN
5. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А.В. Габов. – М.: Статут, 2021. – 1104 с.
6. Токенизация активов реального мира и цифровых активов, децентрализованные сети физической инфраструктуры и методы количественного измерения знаний / Т.М. Гатауллин, Г.В. Росс, Е.С. Плешакова, С.Т. Гатауллин // Международная экономика. – 2025. – №11. – С. 943–956. DOI 10.33920/vne-04-2511-04.
EDN VHAEPV
7. Дерюгина Т.В. О метаморфозах категориального аппарата и праве обладания цифровым финансовым активом и цифровой валютой / Т.В. Дерюгина // Гражданское право. – 2024. – №5. – С. 8–11. DOI 10.18572/2070-2140-2024-5-8-11. EDN JVZPWP
8. Ефимова Л.Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров / Л.Г. Ефимова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – №9. – С. 25–39. DOI 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039.
EDN NRKQQW
9. Ефимова Л.Г. Цифровые права как объекты гражданских прав / Л.Г. Ефимова // Цивилист. – 2021. – №3. – С. 15–22.

10. Мельникова Т.В. К вопросу о правовой природе бездокументальных ценных бумаг / Т.В. Мельникова, Ю.Ц. Машарова, Ю.В. Шаляева // Гражданское право. – 2024. – №5. – С. 20–22. DOI 10.18572/2070-2140-2024-5-20-22. EDN UFFSOS
11. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи / Д.В. Мурзин. – М.: Статут, 1998. – 176 с. EDN ZHORWJ
12. Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве / Н.О. Нерсесов. – М.: Статут, 1998. – 250 с.
13. Орлов С.Н. Инновационные финансовые инструменты устойчивого развития экономики данных / С.Н. Орлов, Ю.С. Рябинин // Дискуссия. – 2025. – №7(140). – С. 180–188. DOI 10.46320/2077-7639-2025-7-140-180-188. EDN NOVFOS
14. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2022. – 560 с.
15. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21. №6. – С. 7–29. DOI 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29. EDN DPVLYS
16. Тумаков А.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Тумаков. – М., 2025. – 210 с.
17. Тумаков А.В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота / А.В. Тумаков // Гражданское право. – 2024. – №6. – С. 9–12. DOI 10.18572/2070-2140-2024-6-9-12. EDN KUGFBS
18. Усманов И.П. Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? / И.П. Усманов // Общество и право. – 2009. – №2. – С. 67–73. EDN ONYEJF
19. Шевченко Г.Н. Новеллы гражданского законодательства о ценных бумагах / Г.Н. Шевченко // Современное право. – 2017. – №9. – С. 73–79.
20. Шевченко О.М. Правовая природа акций, выпускаемых в виде цифровых финансовых активов / О.М. Шевченко // Предпринимательское право. – 2022. – №1. – С. 75–80. DOI 10.18572/1999-4788-2022-1-75-80. EDN ХААХWO

Яковенко Елена Владимировна – канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Владивосток, Россия.
